

Научная статья
УДК 323(470+571)

EDN: SNXROC

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН МАНИПУЛЯТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Андрей Андреевич МАКОВСКИЙ

Псковский государственный университет, Псков, Россия
aamakovsky@mail.ru, SPIN-код: 3501-7888 <https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

Иван Владимирович СУСЛОВ

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
suslov85@inbox.ru, SPIN-код: 4922-0479, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Аннотация. В статье анализируется феномен манипулятивной идентичности в постсоветских государствах в условиях идеологического вакуума после распада СССР. Актуальность исследования определяется ростом конкуренции исторических нарративов на постсоветском пространстве и усилением внимания политических акторов к конструированию коллективной идентичности с целью легитимации власти и перенаправления ценностных ориентиров общества. Цель исследования – выявить структурные характеристики и основные механизмы формирования манипулятивной идентичности в политико-информационном пространстве постсоветских стран.

Эмпирическую базу (материалы) исследования составили репрезентации исторической памяти и идентичности в публичном и медийном пространстве (историко-культурные и мемориальные практики, используемые в качестве инструментов символического конструирования идентичности).

На обсуждение экспертного сообщества выносятся определение манипулятивной идентификации как социополитической коммуникативной технологии формирования новых культурно-ценностных парадигм политической легитимации и цивилизационного определения обществ на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: политика памяти; постсоветское пространство, гибридная идентичность, политическая мобилизация.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Маковский А.А., Суслов И.В. Политический феномен манипулятивной идентичности на постсоветском пространстве // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 1. С. 45–57. EDN: SNXROC

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема: «Традиционные ценности, герои, праздники в современном цифровом пространстве: медиаобразы как ресурсы укрепления гражданской идентичности и противодействия ложной идентичности (1025022800147-0)»).

© Маковский А.А., Суслов И.В., 2026

Original article

This work is licensed under a
Creative Commons Attribution 4.0
International License

POLITICAL PHENOMENON OF MANIPULATIVE IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE

Andrey A. MAKOVSKY

Pskov State University

Pskov, Russia

aamakovsky@mail.ru,

SPIN-код: 3501-7888, <https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

Ivan V. SUSLOV

Saratov State Academy of Law

Saratov, Russia

suslov85@inbox.ru,

SPIN-код: 4922-0479, <https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of manipulative identity in post-Soviet states under the conditions of an ideological vacuum that emerged after the collapse of the USSR. The relevance of the study is determined by the growing competition of historical narratives in the post-Soviet space and the increasing attention of political actors to the construction of collective identity as a means of legitimizing power and redirecting societal value orientations. The aim of the study is to identify the structural characteristics and key mechanisms involved in the formation of manipulative identity within the political and informational space of post-Soviet countries.

The empirical base (materials) of the study consisted of representations of historical memory and identity in the public and media space (historical, cultural and memorial practices used as tools for the symbolic construction of identity).

The article proposes for expert discussion a definition of manipulative identification as a socio-political communicative technology aimed at shaping new cultural and value-based paradigms of political legitimacy and civilizational self-definition in the post-Soviet space.

Keywords: memory politics, post-Soviet space, hybrid identity, political mobilization.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Contribution of the authors: all authors have made equivalent contributions to the publication.

For citation. *Makovsky, A.A., Suslov, I.V.* Political Phenomenon of Manipulative Identity in the Post-Soviet Space // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 1. P. 45–57. EDN: SNXROC

Введение. После распада советской системы, забвения коммунистической идеологии и утраты идентичности «советского человека» на постсоветском пространстве происходили попытки формирования национально-государственных идентичностей [1]. В ряде национальных республик (страны Балтии, Украина, Молдова) особенно активно эксплуатировался образ жертвы «советской оккупации», предполагавший определение Советского Союза как тюрьмы народов. Из общественного дискурса вытеснялись сюжеты, связанные с позитивными цивилизационными изменениями, происходившими после вхождения территорий в состав СССР, и взаимовыгодным характером социально-экономического и культурного взаимодействия.

В связи с этим актуальной задачей современной российской политологии является исследование способов осуществления политики исторической памяти в странах постсоветского пространства [2]. Откровенное искажение исторических фактов, распространение фейковой информации с целью конструирования альтернативной картины мира как основы новой постсоветской идентичности становится возможным только в случае понимания психологии масс [3]. Обращение к концептуальному аппарату психологической науки позволяет сосредоточить внимание на использовании национальными элитами манипулятивных технологий в процессе осуществления политики конструирования и управления национально-государственной идентичностью.

Идентичность, конструируемая в рамках постсоветского пространства, обладает ярко выраженными признаками манипуляции, что детерминируется рядом ключевых обстоятельств. Во-первых, цели манипулятора (национальных элит) и объектов манипуляции (граждан) не совпадают. Если интересы первых связаны с легитимацией статуса лидеров «независимого» и суверенного государства, то благополучие рядовых граждан зависит от выстраивания добрососедских и тесных контактов с Россией. Во-вторых, манипуляторы выдают собственные интересы за общественные, скрывают факты, создают ложные впечатления. В-третьих, манипулятивное воздействие эксплуатирует и учитывает существующие в массовом сознании комплексы, потребности, страхи. В-четвертых, у граждан ряда государств постсоветского пространства наблюдаются эмоциональное истощение, когнитивный диссонанс, а также потеря понимания собственных интересов. Именно поэтому возникает важный для исследователя вопрос: можно ли рассматривать процессы искажения и политизации исторических нарративов на постсоветском пространстве в качестве фактора формирования политического феномена манипулятивной идентичности как новой политической категории?

Предметом исследования выступают механизмы политического конструирования, воспроизводства и функционирования манипулятивной идентичности как специфического социополитического феномена, формирующегося в результате искажения исторических нарративов, трансформации культурных кодов и воздействия цифровой медиасреды [4].

Данная статья направлена на поддержание в научном сообществе дискуссии о политике идентичности постсоветских республик. Отметим, что в условиях гибридных войн и геополитических конфликтов активизируется применение политических технологий, ориентированных на конструирование мировоззренческих установок индивидов. Современные манипулятивные практики нацелены не столько на формирование или противостояние идеологиям, как это было в советскую эпоху, сколько на создание базисов идентичности. По сути, наблюдается тенденция целенаправленного воспитания обществ на основе искаженных исторических фактов, произвольной трактовки исторических событий, что является инструментом цивилизационного перехода обществ из одной культурно-ценностной парадигмы в другую.

Методология исследования. Теоретической основой представленного исследования является классификация коллективной идентичности, предложенная М. Кастельсом, который выделяет три типа идентичности: легитимирующую (создаваемую ведущими политическими акторами с целью укрепления либо увеличения своего влияния); идентичность сопротивления (ориентированную против существующего положения дел); проективную идентичность (направленную на перспективу). В концепции М. Кастельса напрямую манипулятивная идентичность не выделяется, однако ее можно интерпретировать в рамках легитимирующей идентичности манипулятивного характера, когда культурные коды, символы и образы, в том числе медиаобразы, нарративы социальных сетей, используются для навязывания обществу определенной модели поведения, ценностей или мировоззрения.

Исследование политики идентичности [5] проводится с позиций конструктивистской методологии, определяющей социально-политические феномены не как данность или устойчивые сущности, а как конструкты, возникающие в процессе коммуникации, взаимодействия и интерпретации символов. Идентичность рассматривается как результат дискурсивных практик, формирующих представления о «своих» и «чужих», норме и отклонении, традиции и современности и т.п. Идентичность трансформируется в зависимости от контекста и целей участников взаимодействия.

В настоящем исследовании применяются методы концептуализации и категоризации, позволяющие рассмотреть манипулятивную идентичность как сложный политико-коммуникативный конструкт. Метод концептуализации обеспечивает теоретическое уточнение понятия манипулятивной идентичности, выявление ее сущностных характеристик, структурных компонентов и механизмов воспроизводства в медиaprостранстве и политическом дискурсе. Метод категоризации используется для систематизации и классификации проявлений манипулятивной идентичности по критериям форм, каналов и уровней воздействия.

Таким образом, методология исследования представляет собой теоретико-аналитическую основу, объединяющую конструктивистский подход, концепцию медиаобраза и теорию коллективной идентичности. В совокупности они позволяют рассматривать манипулятивную идентичность как социально сконструированный инструмент влияния, формирующий общественные смыслы и легитимирующий власть через трансляцию культурных кодов в медиадискурсе.

Постановка проблемы. Процессы макрополитической идентификации в постсоветских государствах протекают в сконструированных и объединяющих в себе различные культурные типы и ценности общества. Идентичность, формирующаяся в ситуациях наложения, взаимодействия и взаимообмена разнородных культурных, этнических, конфессиональных или политических систем ценностей, можно назвать гибридной формой идентичности [6], которая формируется в процессе взаимодействия разнородных дискурсов и символов. Ю.Г. Волков и В.И. Курбатов считают, что носитель гибридной идентичности за счет смешения традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик чувствует принадлежность к двум или более культурным пространствам [7].

Следовательно, формирующиеся на постсоветском пространстве макрополитические идентичности можно определять как гибридные по своему содержанию, так и манипулятивные по технологиям конструирования. Подобная технология может представлять собой целенаправленно сконструированный комплекс дискурсивных, информационных и символических практик, направленных на трансформацию системы ценностей, исторической памяти и культурных кодов общества с целью перенаправления его самоидентификации из одной цивилизационной парадигмы в другую.

Ввиду огромного мобилизационного потенциала и стихийности возникновения манипулятивная идентификация может усиливать радикализацию массового сознания, обострение межгрупповых конфликтов

и распространение экстремистских настроений. Последствием манипулятивного воздействия является упрощение картины мира до схемы «свой — чужой», оправдание насилия как легитимного средства достижения «справедливой» цели.

Одним из перспективных ракурсов анализа манипулятивного воздействия на процессы идентификации является обращение к политике памяти. В отечественной политологической и историографической традиции данная проблематика получила достаточно глубокое освещение. Исследователи указывают, что государства постсоветского пространства активно используют комплекс технологий конструирования национальной памяти, одновременно выполняющих идеологическую, интегративную и манипулятивную функции.

Процессы макроидентификации на постсоветском пространстве (на примере Грузии и Украины). М.В. Кирчанов отмечает, что в современной Грузии происходит системная институционализация дискурса «советской оккупации» [8]. Главным элементом этого нарратива стал День советской оккупации, отмечаемый 25 февраля и наделенный особым сакральным смыслом как напоминание о потерях, понесенных грузинской государственностью. В 2010 г. парламент принял постановление «О советской оккупации», в котором утверждалось, что после восстановления независимости Грузии 26 мая 1918 г. советская Россия систематически предпринимала действия, направленные на подрыв грузинского суверенитета и установление советской власти.

Одним из ключевых инструментов материализации антисоветского нарратива стало создание Музея советской оккупации, выполняющего функции как символического, так и институционального «места памяти». Музейные экспозиции визуализируют и закрепляют интерпретацию советского периода в качестве травматического опыта, что легитимирует работу элит по встраиванию концепта «оккупации» в национальный исторический канон. В результате музеефикация становится механизмом укоренения идеологически мотивированного нарратива в пространстве памяти — как на уровне территориальной локализации (мемориальное пространство в центре Тбилиси), так и на стадии формирования устойчивых идентичностных моделей.

Выбор подобной модели работы с прошлым во многом объясняется травмирующими событиями 2008 г., приведшими к утрате контроля над Южной Осетией и Абхазией. Эти события стали одним из ключевых факторов, определивших переход грузинских элит к закрытой и секьюритизированной политике памяти, в рамках которой прошлое рассматривается как инструмент мобилизации, легитимации и защи-

ты национальной безопасности. В целом грузинская модель демонстрирует, как историческая политика может трансформироваться в стратегию символического реагирования на политическую травму и территориальные утраты.

В постсоветской Украине с первых лет государственного строительства политика памяти формировалась вокруг нескольких ключевых стратегических ориентиров. Существенное место занимал поиск новой модели национально-государственной идентичности, в которой коллективное прошлое должно было предстать в иной интерпретации, отличной от советской версии истории. Задача заключалась не только в том, чтобы предложить обновленный национальный нарратив, но и добиться определенного мемориального консенсуса среди носителей разнородных территориальных, этноконфессиональных и культурных идентичностей. Параллельно предпринималась попытка вписать историю Украины в более широкий «европейский» сюжет, дистанцировав ее от постсоветского пространства и СНГ, что рассматривалось как символическое подтверждение цивилизационного выбора [9].

Однако эти амбициозные цели, будучи институционально оформлены, так и не получили должного воплощения. Одной из системных проблем стала модель национальной идентичности, принятая политическими элитами, которая выстраивалась преимущественно в этнокультурной и языковой парадигме, а не в рамках гражданской нации. Опора на этнические маркеры и фольклоризированную, преимущественно аграрную версию народной культуры, сузила социальную базу политики памяти и привела к отчуждению значительной части населения — представителей городских сообществ, промышленных регионов, этнических и языковых меньшинств, а также молодежи, ориентированной на глобальные модели культурного потребления. Тем самым украинские власти фактически подрывали собственный проект европоцентричной политики памяти, которая должна была стать объединяющей альтернативой советским и российским мемориальным традициям. Показательно, что украинская языковая политика резко контрастирует с практиками государств Европейского союза, в котором языки национальных меньшинств не подвергаются институциональному ограничению.

Особое место в украинской мемориальной политике занимает тема голода 1932—1933 гг. («Голодомор»). За последние десятилетия в украинском медиапространстве сформировался значительный массив текстов — от кратких информационных заметок до крупных аналитических материалов. Если в 2000-е годы допускались различные трактовки событий, то после 2014 г. интерпретация голода как целенаправленного

геноцида стала медийным и политическим мейнстримом. Эта версия исторического прошлого закрепились как обязательная и морально неоспоримая, хотя в экспертных кругах время от времени высказываются сомнения относительно эффективности политики, построенной вокруг трагического события, когда альтернативные интерпретации остаются маргинализированными. Параллельное сосуществование взаимоисключающих мемориальных схем в украинских и российских СМИ лишь усиливает эффект поляризации: одно и то же событие может рассматриваться как победа или поражение в зависимости от национального медианарратива [10].

2013–2014 гг. стали рубежом водоразделом, радикально изменившим архитектуру украинской политики памяти. Евромайдан, последовавшие за ним события в Крыму и конфликт на Донбассе актуализировали необходимость пересмотра идентификационных оснований и поиска новых политико-символических опор. По замечанию А. Мегилла, процессы активизации коллективной памяти наиболее интенсивны в периоды кризисов и радикальных социальных преобразований. Украинское общество, оказавшись в ситуации масштабных политических трансформаций, вынуждено было формировать новый исторический нарратив, позволяющий включить травматические события в непрерывную цепь национальной истории, обосновать политический выбор и легитимировать новое государственное руководство [11].

Теоретическую рамку анализа украинской политики памяти образуют концептуальные идеи Д. Ловенталя о неразрывной связи коллективной памяти и идентичности социальной группы: память функционирует как механизм поддержания чувства общности, культурной преемственности и символической солидарности, без которых невозможно конструирование устойчивой национальной идентичности. В украинском контексте это проявляется в интенсивном производстве новых интерпретаций прошлого, после 2014 г. ставшими ключевым инструментом политической мобилизации, национальной консолидации и внешнеполитического самоопределения [12].

Технологии манипуляции идентичностью. Среди наиболее характерных инструментов конструирования манипулятивной идентичности можно выделить, во-первых, масштабное переписывание исторических нарративов — от обновления школьных учебников до создания новых прецедентных текстов, формирующих альтернативу советской историографической традиции.

Во-вторых, важную роль играет целенаправленная эксплуатация негативных представлений о России: ее позиционирование в качестве внешнего «Другого», оккупанта или колонизатора. Подобная стратегия

проявляется не только в дискурсивных практиках, но и на уровне внешнеполитического поведения элит ряда государств, включая Казахстан, Беларусь и Таджикистан, которые нередко используют амбивалентную риторику и тактику «двойной ориентации», совмещая декларации союзничества с Россией с демонстрацией приверженности западному вектору развития или применением инструментов экономического давления.

В-третьих, инструментарий политики памяти в манипулятивном контексте на постсоветском пространстве включает широкий спектр практик символического переосмысления пространства и исторического наследия. Одним из наиболее заметных механизмов выступает целенаправленное изменение топонимического ландшафта: переименование городов, улиц, площадей и других географических объектов, что позволяет фиксировать разрыв с советским периодом и формировать новые точки коллективной идентификации. Подобные действия становятся своеобразным способом «перепрошивки» повседневного пространства, влияющей на восприятие населением событий прошлого.

В-четвертых, корректировка календарной политики, заключающаяся в пересмотре перечня государственных праздников, изменении символического содержания массовых мероприятий и церемоний, фактически приводит к формированию нового ритуального порядка, в рамках которого конституируется желательная для политических элит версия национальной истории.

В-пятых, переход ряда государств на латиницу является одновременно и жестом культурно-политической переориентации, и декларацией дистанцирования от советского наследия, которое ретроспективно представляется навязанным. Смена алфавита приобретает значение идентификационного маркера, фиксирующего новую цивилизационную траекторию [13].

В-шестых, институционализация исследовательских инициатив происходит через создание специализированных фондов, систем грантовой поддержки, проведение научных конференций и экспертных круглых столов, при этом формируется альтернативный академический канон, легитимирующие обновленные интерпретации национального прошлого.

В-седьмых, демонтаж прежних монументов и возведение новых памятников, организация мемориалов и тематических музеев представляют собой визуально осязаемый способ формирования «правильного» исторического нарратива. Монументальное искусство и действия непосредственных субъектов, включенных в инфраструктуру памяти, конструируют эмоционально насыщенное пространство, в котором закрепляется официальная версия национального самосознания.

Исходя из приведенных примеров, манипулятивную идентичность можно рассматривать как социополитический и коммуникативный феномен, представляющий собой искусственно сконструированную форму коллективного самосознания, возникающую в результате целенаправленного вмешательства в процессы воспроизводства исторических, религиозных и культурных нарративов. Она формируется в условиях медиатизированного общества, где дискурсивные, символические и информационные практики используются для искажения или переопределения смыслов, закрепленных в общественном сознании с целью трансформации ценностных ориентиров, легитимации власти и перераспределения политической лояльности.

Факторы формирования и механизмы распространения манипулятивной идентичности. Формирование манипулятивной идентичности является результатом совокупного действия политических, медийных, экономических и культурных факторов, создающих искусственные или искаженные представления об общности, предназначенные для управления массовым сознанием. В отличие от естественных форм идентичности, возникающих в процессе социального взаимодействия, манипулятивная идентичность конструируется целенаправленно, с применением инструментов влияния на коллективные представления, эмоции и символические коды общества с использованием фейков в исторической и религиозной плоскости.

Основными акторами в процессе ее формирования выступают политические элиты, государственные институты, медийные корпорации, НКО, религиозные организации и наднациональные структуры, заинтересованные в изменении идентификационных ориентиров того или иного общества. В некоторых случаях к числу акторов можно отнести и внешних политических игроков, использующих технологии информационно-психологического воздействия с целью трансформации ценностных оснований общества.

Ключевыми причинами формирования манипулятивной идентичности можно считать кризис традиционных форм идентичности, политическую потребность в мобилизации общества вокруг удобных для элит символов и образов, развитие цифровых технологий и медиасреды, конкуренцию идентичностей в условиях идеологического вакуума, особенно характерного для постсоветского пространства.

Политические условия формирования манипулятивной идентичности связаны с распадом СССР. Постсоветское пространство оказалось в состоянии глубокой социокультурной и политической турбулентности. Исчезновение единой идеологической системы, обеспечивавшей интеграцию народов в рамках «советской идентичности», привело к формированию

вакуума смыслов, который стал питательной средой для конструирования новых, часто искусственных, идентичностей. Элиты новых стран столкнулись с проблемой: отсутствие устойчивых ценностных ориентиров, слабость институтов гражданского общества и фрагментация общественного сознания создали благоприятные условия для манипулятивного воздействия со стороны политических и медийных акторов [14].

Таким образом, манипулятивная макроидентификация на постсоветском пространстве проявляется как политическая технология, основанная преимущественно на инструментализации политики памяти и целенаправленном конструировании альтернативных исторических нарративов. Ключевым содержательным ядром этой динамики становится переосмысление советского периода и выработка новых интерпретаций роли современной России как государства — преемника СССР. Манипулятивный эффект подобных практик обусловлен выборочным обращением к прошлому: преднамеренным искажением исторических фактов, нивелированием позитивных форм межреспубликанского взаимодействия и совместных модернизационных проектов позднесоветской эпохи. В итоге формируется метамодернистская [15] символическая матрица исторического восприятия, способная перераспределять политические лояльности и задавать выгодные для актуальных политических элит модели коллективного исторического сознания.

Заключение. Возникновение манипулятивной идентичности на постсоветском пространстве отражает процесс политического конструирования коллективного «мы», создаваемого не естественным историческим развитием, а через управляемые интерпретации прошлого и настоящего. Его суть проявляется в формировании определенных моделей национальной и групповой самоидентификации, предлагающих гражданам нормативные ответы на вопросы о происхождении, ценностях, внешних союзниках и потенциальных угрозах. Тем самым идентичность становится инструментом политической мобилизации.

Манипулятивная идентификация представляет собой специфическую технологию влияния, основанную на селективном использовании исторических фактов, переоценке символических событий, дискурсивном вытеснении неудобных элементов прошлого и конструировании эмоционально заряженных мифов. Ее основная функция заключается в институциональном закреплении благоприятных для элитарных групп интерпретаций коллективной памяти, формировании удобных очертаний «исторической истины» и последующей коррекции массовых предпочтений и ориентаций посредством предлагаемых конструкций. Манипулятивность состоит в намеренном искаженном представлении

причинно-следственных связей, что позволяет формировать необходимые политические реакции.

Этот феномен активно присутствует в реальной политике постсоветских государств. Его проявления наблюдаются в реформах политики памяти, трансформации образовательных программ, изменении языковой политики, символических актах переименования городов и праздников, а также в цифровых медиа, распространяющих упрощенные исторические нарративы. Манипулятивная идентичность становится устойчивым инструментом государственного управления и конкурентной межгосударственной риторики, определяет способы восприятия прошлого и границы политической солидарности в условиях продолжающейся постсоветской трансформации.

Список источников

1. *Каргаполова Е.В., Мусаева И.А., Крестова М.А.* Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9, № 3. С. 6–25. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25. EDN: GJBNGD
2. *Сулмин А.Н.* Нарративы исторической памяти и их трактовка на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. № 20 (2). С. 24–37. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-2-24-37. EDN: MAJQXT
3. *Фененко А.В.* Исторический нарратив как вызов для национальных государств // Анализ и прогноз: журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 14–34. DOI: 10.20542/afij-2022-3-14-34. EDN: VDVAAB
4. *Бронников И.А., Крымова К.М.* Цифровая политическая идентичность в условиях глубокой медиатизации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 14–23. DOI: 10.24412/2071-6141-2024-4-14-23. EDN: JUOSQL
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. *Багаева А.В.* Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 31–34. DOI: 10.24158/spp.2021.10.4. EDN: OHFEDA
7. *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 17–32.
8. *Кирчанов М.В.* «Политика прошлого» в современной Грузии, или как СМИ и публичные политики формируют коллективные представления о прошлом // Диалог со временем. 2016. № 56. С. 374–395. EDN: WMFQLD
9. *Белов С.И.* Государственная политика памяти на Украине после Евромайдана // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 28–35. EDN: LYNZSF
10. *Николаев Н.Ю., Юрченко Д.С.* «Битвы за прошлое», или медиатизация исторической политики и исторической пропаганды в современной Украине // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 152–159. DOI: 10.17223/19988613/74/18. EDN: DGJAPE

11. *Megill A.* History, memory, identity // *History of the Human Sciences.* 1998. Vol. 11, No. 3. P. 37–62. DOI: 10.1177/095269519801100303.
12. *Lowenthal D.* The heritage crusade and the spoils of history. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. 338 p.
13. *Космарский А.А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века) // *Вестник Евразии.* 2003. № 3. С. 62–85. EDN: HYRTL
14. *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат»; 2017. 184 с. EDN: YTLWVN
15. *Аккер Р. ван дер, Вермюлен Т.* Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма / пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. А.В. Павлова. М.: Рипол Классик, 2020. 342 с.

Сведения об авторе

МАКОВСКИЙ Андрей Андреевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры управления,
Псковский государственный
университет
Псков, Россия
aamakovsky@mail.ru,
SPIN-код: 3501-7888,
<https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

СУСЛОВ Иван Владимирович,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
Саратовская государственная
юридическая академия
Саратов Россия
suslov85@inbox.ru,
SPIN-код: 4922-0479,
<https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

Статья поступила в редакцию
17.11.2025

Одобрена после рецензирования
20.12.2025

Принята к публикации
25.01.2026

The authors

Andrey A. MAKOVSKY,
Candidate of Sciences (Politics),
Docent at the Department
of Management,
Pskov State University
Pskov, Russia
aamakovsky@mail.ru,
SPIN-код: 3501-7888,
<https://orcid.org/0000-0002-5505-3295>

Ivan V. SUSLOV,
Candidate of Sciences (Sociology),
Docent at the Department of Philosophy,
Saratov State Academy of Law
Saratov, Russia
suslov85@inbox.ru,
SPIN-код: 4922-0479,
<https://orcid.org/0000-0003-0991-6368>

The article was submitted
17.11.2025

Approved after reviewing
20.12.2025

Accepted for publication
25.01.2026